

УДК 82-31.111

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-91-98

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ В РОМАНЕ ПОЛА ОСТЕРА «ТИМБУКТУ»

Мазина Е. Н., Полховская Е. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: mazina-99@bk.ru*

Объектом исследования является постмодернистская интерпретация загробной жизни в романе американского писателя Пола Остера. Изучение этой проблемы расширяет представления о трактовках посмертия в современной художественной литературе и позволяет выявить многообразие языковых и художественных средств реализации авторского мифотворчества в постмодернистских произведениях. Широкая представленность темы загробного мира в литературе и искусстве рубежа XX–XXI вв., а также ее недостаточная изученность в отечественной филологии обуславливают актуальность исследования. П. Остер, отталкиваясь от принципов постмодернистского мифотворчества, деконструирует традиционный миф о потустороннем мире, создает мифологему загробной жизни, номинирует ее, играя смыслами, задает иронический модус ее восприятия. В работе применен метод когнитивного анализа для выявления понятийных признаков концепта «загробная жизнь» и характеристики его номинативного поля, а также метод мифологического анализа для раскрытия специфики трансформации традиционных христианских представлений о мире мертвых в творчестве П. Остера.

Ключевые слова: концепт, миф, мифема, мифологема, игра, деконструкция, смерть, загробная жизнь, постмодернизм, П. Остер.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение постмодернистской интерпретации загробной жизни с неизбежностью поднимает вопрос о специфике толкования мифа в постмодерне. Осмыслению этой проблемы в отечественном литературоведении посвящен широкий круг работ, освещающих различные ее аспекты [1; 2; 3; 9; 14; 15]. В них миф рассматривается в качестве универсальной константы культуры, системы смыслов, аксиологических и поведенческих ориентиров, определяющих особенности картины мира эпохи. Также выявляется мифологическая составляющая постмодернистского восприятия действительности. Согласно Е. В. Галаниной, данная составляющая может быть раскрыта путем использования ряда смысловых конструктов, позволяющих представить мир как нестабильное пространство, в том числе хаосмоса, игры, «постмодернистской чувствительности», эпистемологического анархизма и др. [3].

Еще один важный аспект научных изысканий рубежа XX–XXI вв. – художественный мифологизм постмодернистской литературы. В научный обиход вводятся понятия мифемы и мифологема как составных элементов мифа.

В данном исследовании, вслед за И. Н. Ломакиной [9], под «мифемой» мы понимаем «структурный элемент мифа, выполняющий номинативную функцию», а под «мифологемой» – «элемент мифопоэтики, авторский образ, построенный на комплексе культурологических и литературных парадигм и проявляющийся на сюжетно-тематическом, образном, вербальном, хронотопическом и нарративном уровнях художественного текста» [9, с. 57].

Широкое внимание современных исследователей привлекает также проблема авторского мифотворчества в эпоху постмодерна [1; 2; 4; 13; 15]. По мнению исследователей, авторский миф – «продукт Нового времени, сочетающий в себе черты традиционного мифа и авторского нарратива» [4; 13]. Изучая современный авторский миф, ученые выделяют в нем типичные черты постмодернистского (не только мифологического) нарратива: игровую природу, коллажность, деконструкцию, иррациональность, инверсию понятий «добро» / «зло», этический релятивизм, карнавализацию и др.

Особый интерес для данного исследования представляют работы ученых о современном авторском мифе о загробной жизни. В отечественной научной литературе, пожалуй, наиболее широко данная проблема раскрывается на материале англоязычных произведений российской и зарубежной волшебной фантастики (фэнтези) XX–XXI веков [7; 8; 10; 11; 12]. Особого внимания заслуживает исследование профессора Е. Н. Ковтун, в котором выявляется инвариант изображения посмертного бытия, систематизируются наиболее характерные смысловые и структурные особенности авторского нарратива. Этот обобщенный образ «загробного обиталища человеческой души» обозначается исследователем как «интертекст Мира Посмертия» [7]. Представления о загробной жизни раскрываются также на материале детской литературы (трилогии Ф. Пулмана «Темные начала») [12]. Анализу различных аспектов постмодернистской интерпретации смерти посвящены исследования Н. В. Миньковой [10]. В них осмысливается влияние философских и эстетических принципов постмодернизма на трактовку образа смерти в современной массовой культуре. Специфика концепции загробного бытия косвенно затрагивается в работе Д. В. Затонского в контексте анализа «Истории мира в 10 ½ главах» Дж. Барнса как постмодернистского романа [5].

Таким образом, оценка состояния исследуемого вопроса, теоретического уровня его развития говорит о необходимости расширения представлений об авторском мифе о жизни после смерти, о его роли в американской постмодернистской литературе конца XX – начала XXI вв.

Цель данного исследования состоит в раскрытии специфики авторской интерпретации загробной жизни в романе Пола Остера «Тимбукту», прежде не изучавшемся в этом аспекте.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Пол Остер (1947 – 2024) – один из наиболее признанных критиками и широко изучаемых современных американских авторов. Его литературное наследие, созданное в традициях постмодернизма и экзистенциализма, включает прозаические и поэтические произведения, переводы, сценарии к кинофильмам. Одним из важных принципов конструирования художественного мира остеровских романов является авторское мифотворчество. Так, «Мистер Вертиго», по словам самого писателя, обладает чертами мифа, мифичен и его герой, мастер Иегуди, воплощающий мировую силу [16]. Также П. Остер признает, что в романе «Стеклянный город» им была создана мифология Нью-Йорка, а его «Храм луны» – это «мифологическая модель Америки» [16].

В написанном в 1999 году романе «Тимбукту» авторский миф – отражение рефлексии над экзистенциальными проблемами человека. В нелинейном повествовании этого произведения представлена история жизни двух основных персонажей – их путь от момента рождения до самой смерти, причем последняя становится лейтмотивом: ожидание смерти, беспокойность смертью, принятие реальности смерти, игра со смертью. В одном из интервью П. Остер сказал, что вопрос смерти занимал его всегда: «Вероятно, он фундаментален для всех моих книг и уж точно – для каждого человека. <...> С годами начинаешь больше задумываться о своей смертной природе» [16]. И далее: «Один из моих любимых авторов, Монтень, в молодости написал: «Жизнь – это приготовление к смерти». А в зрелом возрасте он выразился так: «Смерть учит человека жить». С возрастом сильнее цепляешься за жизнь, начинаешь ценить разные мелочи» [16].

В романе «Тимбукту», помимо самой смерти, писатель осмысливает и посмертие, этот концепт становится текстовой скрепой, объединяющей логические части повествования.

Для вербальной объективации загробного мира в произведении используется довольно широкий ряд языковых единиц, образующих ядро номинативного поля данного концепта: «posthumous life», «Great Beyond», «next world», «afterlife», «hereafter», «a realm of eternal nothingness», «a beyond beyond the beyond», «Timbuktu». Эти лексемы эксплицируют базовые когнитивные признаки концепта: «посмертие», «потусторонний мир», «вечность» и «небытие». Перечисленные понятийные характеристики не идут вразрез с традиционной религиозной интерпретацией загробной жизни. Исключение составляет ключевое слово данного номинативного поля – «Timbuktu». Эта лексическая единица, чаще других встречающаяся в романе и наиболее полно номинирующая мир иной, предоставляет достаточно богатый материал для когнитивной интерпретации. Как известно, в английском языке слово «Тимбукту» имеет два основных значения: 1) город в центральной части Мали, расположенный на краю пустыни Сахара; 2) весьма отдаленное место, в которое сложно добраться [18]. П. Остер аккумулирует понятийные признаки данной языковой единицы и мастерски обыгрывает их в своем произведении. С реальным городом остеровское Тимбукту ассоциативно связывает местоположение: «it was located in the middle of a desert somewhere» [17, с. 48], климат: «It didn't matter how hot it was there» [17, с. 49], протяженность: «immense kingdom of sand and heat» [17, с. 48] и природа – герой называет это вымышленное пространство оазисом. В то же время в семантике концепта присутствует и признак удаленности: «far from New York or Baltimore, far from Poland or any other city they had visited in the course of their travels» [17, с. 48], но достаточно мгновения, чтобы оказаться в пределах того мира. Так посредством игры со значениями ключевого слова-репрезентанта П. Остер приближает нас к пониманию своей концепции посмертного бытия, при этом он рассчитывает на критическую активность читателя, удерживающего в сознании разные смыслы. Строго говоря, концепцией остеровскую интерпретацию загробной жизни назвать можно лишь условно – иницируя игру, писатель изначально дает установку на снятие однозначности. Из разрозненных фрагментов собирается коллаж противоречивых сведений, не образующих единое целое. Значим сам стимулируемый автором романа игровой творческий поиск.

Языковая игра реализуется в романе посредством использования значительного числа лексических единиц с семантикой смерти, входящих в ядро концепта «загробная жизнь». Игровой прием состоит в совмещении в тексте романа слов и словосочетаний, контрастных в стилевом плане: лексем возвышенного стилистического тона (*demise, defunct, deceased, departed, to enter the valley of the shadow of death*) и сниженного тона (*to be on the road to Splitsville, to kick the bucket, to make the early exit, to part company with this world*). Осознав стилистическую двуплановость репрезентации концепта, читатель отслеживает комическое несоответствие выбранных языковых средств серьезности ситуации, распознает стремление автора таким образом десакрализовать смерть, представить ее в ироническом ключе, снять ощущение страха.

Помимо игры, на первый план в романе выходит деконструкция – разрушение традиционного мифа о загробной жизни через творческую рефлексию над ним. Автор отказывается от дихотомии «ад/рай» – в его интерпретации жизни после смерти нет ничего даже отдаленно напоминающего место вечного наказания грешников. Тимбукту П. Остера – это пристанище душ, обещающее блаженство в жизни после смерти: «*Tim-buk-tu. <...> whenever those three syllables came rolling off his master's tongue, a wave of blissful well-being would wash through the entire length of his body – as if the word alone were a promise, a guarantee of better days ahead*» [17, с. 48–49]. Но и христианским раем остеровскую мифологему назвать нельзя. С одной стороны, Тимбукту – это оазис духов, царство вечного небытия, в котором не приходится беспокоиться о телесных потребностях: «*And once you were there, he said, once you had crossed the boundaries of that refuge, you no longer had to worry about eating food or sleeping at night or emptying your bladder*» [17, с. 48]. С другой – это мир иной, но реальный, материальный («*the next world was a real place*» [17, с. 48]), главный герой ассоциативно связывает его с Калифорнией. Пол Остер тонко дает понять читателю, что Тимбукту как место вечного блаженства вполне может оказаться буржуазным раем с такими атрибутами благополучной и комфортной жизни как модные ковры, дорогой антиквариат, прозрачные тостеры и прочее. Очевидно, что Пол Остер далек от мысли сконструировать целостную, внутренне непротиворечивую картину посмертного мира, установить в ней иерархический порядок.

Новаторством писателя, деконструирующего традиционный христианский миф через творческую рефлексию над ним, можно считать включение животных в мифологическое пространство загробной жизни. Отказ от антропоцентричности позволяет не только расширить концептуальный смысл, но и придать, в духе постмодернизма, сниженный, ироничный характер изображению посмертного мира: «*If there was any justice in the world, if the dog god had any influence on what happened to his creatures, then man's best friend would stay by the side of man after said man and said best friend had both kicked the bucket. More than that, in Timbuktu dogs would be able to speak man's language and converse with him as an equal. That was what logic dictated, but who knew if justice or logic had any more impact on the next world than they did on this one?*» [17, с. 49]. Пародийно-ироничное преломление имеет и такой общеизвестный компонент рассматриваемого мифа как отбор праведных душ, возносящихся на небеса: не всем собакам открыт доступ в Тимбукту, лишь

некоторым, каждый случай рассматривается в отдельности. Очевидно, что для автора-постмодерниста такой ироничный модус мифотворчества становится способом развлечь читателя, побуждением отрешиться от устойчивых стереотипов и оценить альтернативные варианты конструирования образа загробной жизни.

Логика анализа концепции загробной жизни с неизбежностью отсылает нас к проблеме божественного присутствия. В раскрытии этого вопроса писатель также отказывается от идеи упорядочения смысла в пользу игры и деконструкции. Тимбукту П. Остера – божественный трансцендентный мир (непостижимый, существующий за пределами нашего физического мира): «Where the map of this world ends, that's where the map of Timbuktu begins» [17, с. 48]. Бог в нем не умер, он встречает человека, оказавшегося за порогом смерти («It was in God's hands now» [17, с. 71]). Примечательно, что этот представленный метафорически религиозный культурный код тут же деконструируется за счет квазиотсылки к современным научным знаниям об антиматерии, антивеществе, частице Бога: «And once you were there <...> You were at one with the universe, a speck of antimatter lodged in the brain of God» [17, с. 48]. Едва ли попытки разгадать, почему человек становится «антивеществом в мозгу Бога», окажутся в данном случае результативными; на наш взгляд, творческая рефлексия автора имеет своей целью не столько утверждение нового смысла, сколько подмену понятий, разрушение старой смысловой парадигмы и демонстрацию ее условности новыми средствами выразительности.

Очевидно, что если для постмодернистов знания о мире живых как о некоей хаотической семантической реальности неистинны, недостоверны, ненадежны, то уж представления об иллюзорном потустороннем бытии – и подавно. П. Остер не просто проводит мысль о непостижимости Тимбукту, он многократно усиливает ее сюжетными средствами, доводя до абсурда. Умозрительные построения о загробном мире, авторства главного героя, бомжа по имени Вилли Гуревич, шизофреника, бывшего наркомана, а затем алкоголика, подаются опосредовано, через восприятие его пса, мистера Зельца, причем значительная часть сведений приходит к последнему в сновидениях. Характерный для постмодернистской литературы мотив сна как нельзя более соответствуют симулятивному характеру авторского мифа: сновидения выступают в качестве стартовых точек порождения иллюзорного смысла, дают автору возможность раскрыть иные уровни восприятия посмертного существования.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в романе «Тимбукту» основным способом осмысления и художественного воплощения идеи посмертного бытия является авторский миф, сочетающий характерные черты христианского мифа о загробной жизни и авторского нарратива. Ключевой структурно-смысловой составляющей авторского мифа в данном произведении выступает мифологема «Тимбукту», отражающая систему представлений о потустороннем мире и базирующаяся на целом ряде культурологических парадигм. С одной стороны, данная мифологема репрезентирует традиционные концептуальные признаки загробного мира: «посмертие», «трансцендентность», «бесконечность», «небытие», «пристанище душ», «вечное блаженство» и др. С другой стороны, в результате постмодернистского

мифотворчества П. Остера христианский миф о потустороннем бытии деконструируется, наблюдается отсутствие дихотомии «рай-ад», отказ от антропоцентричности, включение животных в мифологическое пространство, введение в него материальных предметов и утверждение двойственной природы загробного мира (ирреальность и реальность), свободные ассоциации с географическими объектами, упоминание мозга Бога как локации). Номинирование потустороннего мира, раскрытие его сущностных характеристик осуществляется автором посредством различных игровых приемов, в том числе игры со смыслами, языковой игры. Ключевыми особенностями авторского нарратива, конструирующего модель загробной жизни, являются отказ от пафоса, ироничность, парадоксальность, внутренняя противоречивость, гетерогенность, коллажность, фрагментарность, свойственные постмодернистской эстетике.

Список литературы

1. *Анисимова О. В.* Обращение к мифу в современной литературе // Высшее образование в России. Кругозор. – 2003. – № 2. – С. 127–131.
2. *Борунов А. Б., Шерчалова Е. В.* Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 8–20.
3. *Галанина Е. В.* Мифологические миры постмодерна // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – Ч. 1. – С. 200–203.
4. *Ермоленко О. В.* «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 90–93.
5. *Затонский Д. В.* Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении неизящных искусств. – Харьков: Фолио; Москва: Издательство АСТ, 2000. – 256 с.
6. *Клюкина Л. А.* Мифема и мифологема: практики использования понятия в современной отечественной философии культуры // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – 4 (33). – С. 197–207.
7. *Ковтун Е. Н.* «Интертекст мира посмертия» в фантастике XX–XXI вв.: функциональность художественной модели // Studia Litterarum. – 2022. – Т. 7. – С. 35–42.
8. *Левит И. В.* «Рай печали»: об эволюции представлений о загробном мире // Образ рая: от мифа к утопии. Серия "Symposium". – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – Вып. 31. – С. 219–221.
9. *Ломакина И. Н.* Мифологическая модель Америки в творчестве Дона Делилло: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Симферополь, 2017. – 203 с.
10. *Минькова Н. В.* Влияние принципов постмодернизма на интерпретацию образов смерти в массовой культуре // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 2. – С. 112–114.
11. *Москвин А. А.* Образ загробного мира в современной фантастике как отражение массового восприятия смерти // Культурология и искусствоведение: материалы IV Международной научной конференции. – Казань, 2018. – С. 2–6.
12. *Павлухина О. В.* Представления о смерти и загробной жизни в трилогии Ф. Пулмана «Темные начала» // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 297–300.
13. *Пьянзина В. А.* Авторский миф как жанр современной литературы // Universum: Филология и искусствоведение. – 2017. – № 9 (43). – С. 9–11.

14. Раздьяконова Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Томск, 2009. – 23 с.
15. Рытова Т. А., Щипкова Е. А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX – начала XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 115–128.
16. Таск С. Э. Искусство жить. Беседа с Полом Остером // Иностранная литература. – 2005. – № 3. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/article407>
17. Auster P. *Timbuktu*. – New York: Picador USA. Henry Holt and Company, 2000. – 181p.
18. Collins *English Dictionary*: Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>

References

1. Anisimova O. V. *Obrashcheniye k mifu v sovremennoj literature* [Study of myth in modern literature]. *Vyssheje obrazovaniye v Rossii. Krugozor*, 2003, no. 2, pp. 127–131.
2. Borunov A. B., Sherchalova Ye. V. *Avtorskij mif v sovremennom postmodernistskom romane* [Author's myth in contemporary postmodernist novel]. *Filologicheskij klass*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 8–20.
3. Galanina Ye. V. *Mifologicheskije miry postmoderna* [Mythological worlds of postmodernity]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2015, no. 2, ch. 1, pp. 200–203.
4. Yermolenko O. V. “*Mifotvorchestvo*” i “*individual'no-avtorskoje mifotvorchestvo*”: *problema razgranicheniya ponjatij* [“Mythmaking” and “individual author's mythmaking”]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 90–93.
5. Zaton'skij D. V. *Modernizm i postmodernizm: Mysli ob izvechnom kolovrashchenii neizjashchnyh iskusstv* [Thoughts on eternal rotation of non-fine arts]. Kharkov, Folio; Moskva, LLC «AST Publishing House», 2000. 256 p.
6. Kljukina L. A. *Mifema I mifologema: praktiki ispolzovanija ponjatija v sovremennoj otechestvennoj filosofii kul'tury* [Mytheme and mythologem: practical usage of the concept in contemporary Russian philosophy of culture]. *Mezhdunarodnij zhurnal issledovanij kul'turi*, 2018, no. 4 (33), pp. 197–207.
7. Kovtun Ye. N. “*Intertext mira posmertija*” v *fanastike XX–XXI vv.: funkcional'nost' hudozhestvennoj modeli* [“Intertext of the afterlife” in fiction of the 20th-21st centuries: functionality of the artistic model]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, pp. 35–42.
8. Levit I. V. “*Raj pechali*”: *ob evolutsii predstavlenij o zagrobnom mire. Obraz raja: ot mifa k utopii* [“Paradise of Sorrow”: on the evolution of ideas of the afterlife. The image of Paradise: from myth to utopia]. Sankt-Peterburg, 2003, no. 31, pp. 219–221.
9. Lomakina I. N. *Mifologicheskaya model' Ameriki v tvorchestve Dona Delillo. Dis. ... kand. filol. nauk* [The mythological model of America in the works of Don DeLillo, Thesis]. Simferopol, 2017. 203 p.
10. Min'kova N. V. *Vliyaniye printsipov postmodernizma na interpretatsiju obrazov smerti v massovoi culture* [The influence of postmodernist principles on the interpretation of death images in mass culture]. *Aktual'nye problemy gumanitarnih i jestestvennyh nauk*, 2010, no. 2, pp. 112–114.
11. Moskvina A. A. *Obraz zagrobnogo mira v sovremennoj fantastike kak otrazhenije massovogo vosprijatija smerti* [The image of afterlife as a reflection of the mass perception of death]. *Culturology and art history: materials of the IV International Scientific Conference*. Kazan', 2018, pp. 2–6.

12. Pavlukhina O. V. *Predstavleniya o smerti i zagrobnoj zhizni v trilogii F. Pulmana "Temnyje nachala"* [The ideas of death and afterlife in F. Pulman's "His Dark Materials" trilogy]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2012, № 2, pp. 297–300.
13. Pjanžina V. A. *Avtorskij mif kak zhanr sovremennoj literatury* [Author's myth as a genre of contemporary literature]. *Universum: Filologija i iskusstvovedenije*, 2017, no. 9 (43), pp. 9–11.
14. Razdjakonova Ye. V. *Mif kak realnost' i realnost' kak mif: mifologičeskije osnovanija sovremennoj kul'tury. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Myth as reality and reality as myth: mythological foundations of modern culture. Thesis abstract]. Tomsk, 2009. 23 p.
15. Rytova T. A., Shchipkova Ye. A. *Problema issledovanija mifologizma i sjuzheta mifa kak elementa sjuzhetnoj struktury v russkoj proze kontsa XX – nachala XXI vv.* [The problem of studying mythologism and the plot of myth as an element of plot structure in Russian prose of the late 20th – early 21st centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2012, no. 4 (20), pp. 115–128.
16. Task S. E. *Iskusstvo zhit'. Beseda c Polom Osterom* [The art of living. Conversation with Paul Auster]. *Inostrannaja literature*, 2005, № 3. Available from: <https://fantlab.ru/article407>
17. Auster P. *Timbuktu*. New York, Picador USA. Henry Holt and Company, 2000. 181p.
18. *Collins English Dictionary*. Available from: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>

PECULIARITIES OF INTERPRETATION OF THE AFTRELIFE IN PAUL AUSTER'S NOVEL "TIMBUKTU"

Mazina Y. N., Polkhovskaya Y. V.

The object of research in the article is a postmodernist interpretation of the afterlife in the novel "Timbuktu" by an American author Paul Auster. The study of this problem expands our knowledge of various views on posthumous life reflected in contemporary fiction and allows us to identify the diversity of linguistic and artistic means of authors' mythmaking in postmodernist works. The wide representation of the theme of the afterlife in literature and art of the late 20th – early 21st centuries, as well as its insufficient study make this research topical. The analysis reveals that P. Auster, being a postmodernist mythmaker, deconstructs the myth of the afterlife, creates his own mythologem, nominates it, playing with its meanings, sets an ironic mode of its perception. In the article the method of cognitive analysis is used to identify the conceptual features of the notion of the afterlife and the features of its nominative field; the method of mythological analysis helps to disclose the peculiarities of the transformation of traditional Christian ideas about the next world. The article reveals the features of the writer's mythmaking and highlights the originality of the author's narrative.

Key words: concept, myth, mytheme, mythologem, game, deconstruction, death, afterlife, postmodernism, P. Auster